

INVISIBLE SHIFT

mindshiftme.de

*Власть, машины и вопрос о том,
кем мы хотим быть*

Хакан Озгюр

Серия MindShift — Книга 6

www.mindshiftme.de

© 2026 Хакан Озгюр (Hakan Özgür)

Все права защищены.

E-Mail: yes@mindshiftme.de

По состоянию на: март 2026

Для всех, кто смотрит внимательно.

Содержание

ЧАСТЬ I: НОВЫЕ СИЛЫ

1. Невидимая революция
2. Мировая игра — Америка, Китай и пустота Европы
3. Новые властители — Техноолигархи и власть без мандата
4. Экономика изобилия — и почему она не работает

ЧАСТЬ II: РАЗРУШЕНИЕ РЕАЛЬНОСТИ

5. Война без поля боя
6. Синтетическая публичность
7. Слежка как бизнес-модель
8. Демократия в реанимации

ЧАСТЬ III: СОЗИДАНИЕ

9. Возвращение политического
10. Архитектура свободы
11. Быть человеком в эпоху машин
12. Эпилог — Письмо миру в переходе

ЧАСТЬ I

Новые силы

Что происходит прямо сейчас — и почему это не похоже ни на что прежде

1

Невидимая революция

Как горстка компаний сдвинула архитектуру мировой власти — и почти никто этого не заметил

В ноябре 2022 года компания из Сан-Франциско опубликовала языковую модель. Она называлась ChatGPT. За пять дней ею воспользовался миллион человек. За два месяца — сто миллионов. Ни один продукт в истории технологий не распространялся так быстро.

Это было три с половиной года назад.

С тех пор изменилось нечто большее, чем приложение, отрасль или рынок. Сдвинулась сама архитектура власти. Не через войну, не через революцию, не через демократические выборы. А через код, капитал и вычислительную мощь — и через тот факт, что все три сосредоточены в очень немногих руках.

Эта книга — о данном сдвиге. О том, что он значит для мира — для государств, для демократий, для того, как мы работаем, думаем и доверяем друг другу. И о том, что он делает с нами: с нашим представлением о себе, с нашим смыслом жизни, с нашим пониманием того, что значит быть человеком.

Но начнём с самого сдвига. И с простого вопроса: где именно находится власть?

Новые координаты власти

В 2024 году компании по всему миру инвестировали в искусственный интеллект 252 миллиарда долларов. Это на 26 процентов больше, чем годом ранее. Только частные инвестиции в ИИ в США составили 109 миллиардов долларов — в двенадцать раз больше, чем в Китае, и в двадцать четыре раза больше, чем в Великобритании.

[Источник: Stanford HAI, AI Index Report 2025]

Эти цифры звучат абстрактно. Но они рассказывают конкретную историю. Они рассказывают, где строится инфраструктура будущего, а где — нет. Кто владеет инструментами, которыми будут определяться следующие десятилетия, — а кто будет лишь пользователем этих инструментов.

Чтобы это понять, нужно рассмотреть три уровня: чипы, модели и данные. Каждый уровень имеет свою собственную структуру власти. И каждый из них сконцентрирован сильнее, чем большинство людей подозревает.

Начнём с чипов. Без полупроводников нет ИИ. Каждая модель, которая сегодня генерирует текст, создаёт изображения или подготавливает решения, работает на чипах, произведённых на полупроводниковой фабрике. И здесь обнаруживается первая, возможно, самая поразительная концентрация: единственная компания — Taiwan Semiconductor Manufacturing Company, TSMC — производит около 70 процентов всех полупроводников, изготовленных по контракту в мире. В области передовых чипов — высокопроизводительных процессоров, на которых работают модели ИИ — эта доля составляет 90 процентов.

[Источник: TrendForce Q4 2025; Counterpoint Research 2025; Taipei Times, март 2026]

Семьдесят процентов. Это означает: семь из десяти чипов, которые где-то в мире устанавливаются в сервер, телефон или автомобиль, произведены на заводах одной-единственной компании на острове в западной части Тихого океана. Острове, который одновременно является одной из самых опасных геополитических горячих точек мира.

Это не рыночная статистика. Это уязвимость.

Скорость

Главное, что отличает этот сдвиг от прежних технологических переворотов, — скорость.

Паровой машине потребовалось семь десятилетий, чтобы добраться из мастерской Джеймса Уатта на фабрики Манчестера. Электричеству понадобилось около сорока лет, чтобы перейти от первой лампочки к повсеместной инфраструктуре. Интернет распространялся быстрее — но даже там прошло добрых двадцать лет, прежде чем он фундаментально изменил мир труда и публичную сферу.

ИИ сжимает этот процесс до месяцев.

В 2022 году наименьшая языковая модель, набравшая более 60 процентов на бенчмарке MMLU — стандартизированном тесте на понимание языка, — смогла это сделать лишь при 540 миллиардах параметров. Два года спустя, в 2024 году, Phi-3-mini от Microsoft достигла

того же результата при 3,8 миллиарда параметров. Сокращение в 142 раза. А стоимость запроса к модели уровня GPT-3.5 упала за тот же период с 20 долларов за миллион токенов до 7 центов — снижение в 280 раз.

[Источник: Stanford HAI, AI Index Report 2025, глава Technical Performance]

Эти цифры описывают не просто технический прогресс. Они описывают динамику, не имеющую прецедента в истории техники. Технология, которая одновременно становится мощнее, компактнее и дешевле — и не за десятилетия, а за кварталы.

Последствия этого выходят далеко за рамки техники. Потому что скорость не нейтральна. Она определяет, кто может адаптироваться, а кто — нет. Образовательные системы, которым нужны десятилетия для реформ, не могут угнаться за технологией, удваивающейся каждые полгода. Рынки труда, рассчитанные на стабильные карьерные биографии, сметаются силой, которая создаёт новые навыки быстрее, чем люди успевают их осваивать.

Скорость — в этом контексте — есть форма власти. Кто быстрее, тот определяет правила игры. Кто медленнее — живёт по правилам, написанным другими.

Невидимый порог

В ноябре 2024 года — ровно через два года после запуска ChatGPT — объём контента в интернете, сгенерированного ИИ, впервые превысил объём контента, созданного людьми. К маю 2025 года доля синтетического контента составила 52 процента.

[Источник: EU-Parlamentsbericht EPRS 2025; Stanford AI Index 2025]

Этот момент почти не был замечен. Не было заголовков, не было дебатов, не было политической тревоги. И, возможно, именно в этом самое тревожное свойство этой революции: она невидима. Она совершается не на фабриках, не на полях сражений, не в парламентах — а в дата-центрах и на экранах, перед которыми мы сидим каждый день.

Мы её чувствуем. В том, как меняются результаты поиска. В том, как звучат тексты, которые мы читаем, не зная, написал ли их человек. В том, как коллеги вдруг работают быстрее, и мы задаёмся вопросом, успеваем ли мы. В смутном ощущении, что что-то фундаментальное сдвигается — но мы не можем точно назвать, что именно.

Но мы её не видим. И это отличает её от прежних переворотов. Паровая машина была громкой. Электричество освещало города. Интернет соединял экраны. ИИ меняет структуру самой информации — и тем самым основу, на которой мы понимаем мир.

Власть как структура, а не намерение

В публичных дебатах об искусственном интеллекте доминируют два нарратива. Один предостерегает от демонической технологии, вышедшей из-под контроля — сценарии Терминатора, суперинтеллект, экзистенциальные риски. Другой восхваляет чудо-машину, решающую все проблемы — исцеляющую болезни, устраняющую бедность, поднимающую производительность на немыслимую высоту.

Оба нарратива удобны, потому что просты. И оба мимо сути.

Главный вопрос об ИИ — не технический. Это не вопрос о том, могут ли машины «думать» или когда они нас «превзойдут». Главный вопрос — политический: кто контролирует эти системы? Кому они приносят пользу? И кто решает, по каким правилам?

Ханна Арендт в эссе «О насилии» 1970 года различала две формы влияния. Насилие, писала она, инструментально — оно нуждается в орудиях и разрушает. Власть же возникает, когда люди действуют сообща. Она никогда не является собственностью одного; она принадлежит группе и существует лишь до тех пор, пока группа держится вместе.

[Ханна Арендт, О насилии, 1970]

То, что мы наблюдаем сегодня, не вписывается ни в один из сценариев Арендт — и именно поэтому её рамка продуктивна. ИИ — не насилие в классическом смысле. Он не разрушает оружием. Но он и не власть в арендтовском смысле, потому что не рождается из совместного действия. Он рождается из инфраструктуры, из собственности, из контроля над инструментами, с помощью которых производится реальность.

Можно назвать это третьей категорией: структурная власть. Власть, которая проявляется не в действиях, а в архитектуре систем, которые делают действия возможными или невозможными. Мишель Фуко описывал нечто подобное, когда писал о паноптикуме — тюрьме, в которой заключённые постоянно чувствуют себя наблюдаемыми, даже когда никто не смотрит. Власть действует не через взгляд, а через архитектуру. ИИ — и есть эта архитектура.

[Мишель Фуко, Надзирать и наказывать, 1975]

Что на этот раз иначе — и что нет

Есть понятное искушение считать каждую новую технологию «уникальной». История техники полна моментов, когда люди верили, что всё меняется, — а потом многое оказывалось повторением.

Когда книгопечатание в XV веке достигло Европы, за несколько десятилетий рухнула монополия церкви на распространение знаний. Реформация, научная революция, появление образованной общественности — всё это было бы невозможно без печатного станка. И всё же

за освобождением знания последовали религиозные войны, пропаганда и манипуляция массами.

Когда в середине XX века ядерная физика породила новый источник энергии и новое оружие, геополитический порядок мира сдвинулся за считанные годы. Бомба создала биполярный мир холодной войны, баланс страха, логику сдерживания. Но она также создала форму международного сотрудничества — договоры о разоружении, контроль над вооружениями, — которая без общего ужаса никогда бы не возникла.

Что в ИИ иного? Три вещи структурно различны.

Во-первых, вездесущность. Ядерным оружием обладали немногие государства. Интернет охватил миллиарды, но как средство коммуникации. ИИ пронизывает всё одновременно — работу, здравоохранение, образование, военное дело, развлечения, политику, личные отношения.

Во-вторых, невидимость. Прежние технологии были видимы. Можно было увидеть фабрику, услышать бомбу, проложить кабель. ИИ действует в слоях, которые для невооружённого глаза не существуют. Алгоритмы, сортирующие наши ленты новостей, фильтрующие наши заявления о приёме на работу — невидимы для тех, кого они касаются.

В-третьих, концентрация. Интернет поначалу праздновали как децентрализующую силу — каждый мог создать сайт, каждый мог публиковать. ИИ переворачивает эту логику. Разработка мощных моделей требует вычислительной мощности, данных и капитала в масштабах, доступных лишь горстке компаний. Власть, которую интернет распределил, ИИ собирает обратно.

Эти три свойства — вездесущность, невидимость, концентрация — не делают ИИ апокалипсисом. Но они делают его силой, к которой нужно относиться иначе, чем ко всему, что ей предшествовало.

Вопрос за вопросом

Эта книга — не технологическая. Это не введение в искусственный интеллект, не руководство по цифровому миру, не оракул будущего.

Это книга о власти и о том, что значит быть человеком. О вопросе, что происходит, когда технология, пронизывающая всё, контролируется очень немногими. И о вопросе, который из этого следует для каждого из нас: что мы с этим делаем?

Серия MindShift протянула за пять книг дугу — от сознания, создающего мир, через экзистенциальный поиск принадлежности, через социальные эффекты алгоритмических

систем, через вопрос профессиональной идентичности до архитектуры нашего восприятия. Эта шестая книга берёт наибольшую высоту полёта. Она смотрит на мир как целое — не как на абстрактную систему, а как на место, в котором мы все сейчас стоим. Весной 2026 года, посреди переломной эпохи, исход которой открыт.

Это не антиутопия. Это описание.

А всякое описание начинается с решения — смотреть внимательно.

2

Мировая игра

Америка, Китай и пустота Европы

20 января 2025 года, в день второй инаугурации Дональда Трампа, китайская компания DeepSeek опубликовала языковую модель. DeepSeek-R1 была моделью с открытым исходным кодом, которая по множеству тестов не уступала ведущим западным системам — при значительно более низких затратах на разработку.

Биржи отреагировали. Nvidia — компания, производящая чипы, на которых работают почти все западные модели ИИ, — за один день потеряла 600 миллиардов долларов рыночной капитализации. Это был крупнейший однодневный обвал стоимости в истории фондовых рынков.

[Источник: CSIS, «DeepSeek, Huawei, Export Controls», март 2025; Foreign Policy, февраль 2025]

Послание было недвусмысленным: гонка за искусственный интеллект — не американская монополия. Это мировая игра. И правила этой игры определяются прямо сейчас.

Чтобы понять, что сейчас происходит, нужно рассмотреть три модели — три ответа на один и тот же вопрос: как должна быть организована власть над самой мощной технологией в истории?

Американская модель: доминирование через свободу

Соединённые Штаты следуют чёткой линии: дерегулирование, скорость, превосходство. 23 января 2025 года, на третий день после инаугурации, Трамп подписал Executive Order 14179, отменивший все инициативы по безопасности ИИ, принятые при Байдене. Обоснование: безопасность ИИ — это барьер для инноваций.

[Источник: Executive Order 14179, 23 января 2025, Federal Register]

В июле 2025 года последовал AI Action Plan — 90 политических позиций на 25 страницах, выстроенных на трёх столпах: ускорить инновации, устранить регуляторные барьеры и обеспечить энергоснабжение. Ни одна из 90 позиций не затрагивала вопросов безопасности, предвзятости или воздействия на рынок труда.

[Источник: White House AI Action Plan, 23 июля 2025; Sidley Austin LLP, анализ]

В декабре 2025 года Трамп пошёл ещё дальше. Новый указ был направлен непосредственно против законодательства штатов в сфере ИИ, создав федеральную зону, свободную от регулирования, в которой компании могли бы действовать без ограничений.

[Источник: Executive Order, 11 декабря 2025, whitehouse.gov; Paul Hastings LLP, анализ]

Всё это происходило на фоне массивной инвестиционной волны. В начале 2025 года Трамп объявил проект Stargate — совместное предприятие OpenAI, SoftBank и Oracle объёмом до 500 миллиардов долларов. Оно должно создать инфраструктуру ИИ национального масштаба.

[Источник: Atlantic Council, январь 2026; Stanford HAI AI Index 2025]

Американскую модель можно резюмировать одним предложением: государство убирает препятствия, капитал строит. Это воплощение того, что Исайя Берлин в 1958 году в своём эссе «Два понятия свободы» описал как негативную свободу: свободу от вмешательства.

[Исайя Берлин, Два понятия свободы, 1958]

Но у этой модели есть слепое пятно. Негативная свобода не спрашивает, кому достаются плоды этой свободы. Она не спрашивает, что происходит, когда свобода немногих перерастает во власть над многими.

Китайская модель: контроль через стратегию

Китай идёт другим путём. Здесь государство направляет, а рынок следует — в границах, установленных государством. ИИ — не сфера свободного предпринимательства. Это вопрос национальной безопасности.

Основы были заложены рано. Уже в 2017 году Государственный совет сформулировал национальную стратегию ИИ с чёткой целью: к 2030 году Китай должен стать мировым лидером в области ИИ.

[Источник: Госсовет Китая, «Планы развития ИИ нового поколения», 2017; CSIS, анализ, март 2025]

DeepSeek не был случайностью. Он был продуктом стратегии, рассматривающей технологическую автаркию как вопрос национальной безопасности. Когда американские экспортные ограничения закрыли доступ к новейшим чипам Nvidia, китайские разработчики не остановились — они оптимизировали.

[Источник: CSIS, «DeepSeek, Huawei, Export Controls», март 2025]

СЕО DeepSeek Лян Вэньфэн сформулировал дилемму в середине 2024 года: «Деньги никогда не были нашей проблемой. Наша проблема — чипы». Этим предложением он подытожил логику стратегического обхода: если нельзя получить лучшее оборудование, нужно создать лучшее программное обеспечение.

В то же время китайская экосистема ИИ — не открытое пространство. Китайские правила ИИ требуют, чтобы каждый вывод ИИ соответствовал линии Коммунистической партии. Модели, дающие нежелательные ответы, блокируются до выпуска.

[Источник: Bruegel, «Geopolitics of AI after DeepSeek», 2025; The Conversation, февраль 2025]

Это позитивная свобода по Берлину: свобода через коллективное управление. Государство определяет цель — технологический суверенитет, социальную стабильность, национальную мощь — а индивид служит этой цели.

Сила этой модели проявляется в скорости. 87 процентов китайских компаний планировали в 2025 году увеличить расходы на ИИ — по сравнению с 78 процентами компаний в США.

[Источник: Cultura-Analyse, январь 2026; Atlantic Council, январь 2026]

Слабость — в том, о чём нельзя говорить. Модель ИИ, которая на вопрос о событиях на площади Тяньаньмэнь отвечает: «Давайте сменим тему» — это не только политическая цензура. Это эпистемологическое ограничение. Машина может только то, что ей позволено знать.

Европейская пустота: ценности без машин

А Европа?

Европа регулирует. В марте 2024 года Европейский парламент принял AI Act — первый в мире комплексный закон об ИИ. Он классифицирует системы ИИ по уровням риска, запрещает определённые практики и устанавливает требования прозрачности.

[Источник: EUR-Lex, AI Act, полный текст; CFR, январь 2026]

Это впечатляет. И это то, что Европа умеет лучше всего: писать правила, устанавливать стандарты, создавать этические рамки. AI Act — самый амбициозный регулятивный проект в истории технологий.

Но Европа почти не создаёт моделей. В мировом API-трафике — потоке данных, составляющем реальную инфраструктуру экономики ИИ — доля европейских провайдеров ничтожна.

[Источник: Cultura-Analyse, январь 2026; Atlantic Council, январь 2026]

Европа стоит перед дилеммой глубже вопроса конкурентоспособности. Это дилемма суверенитета. Кто регулирует технологию, которую не производит, зависит от доброй воли тех, кто её производит.

Американская экосистема предлагает мощь, но при правительстве, которое активно борется с европейским регулированием. Китайская — техническую альтернативу, но с отчётностью перед Коммунистической партией.

[Источник: Bruegel, 2025; Garante (Управление по защите данных Италии), январь 2025]

Европейский образ человека — это образ носителя прав. Человек — не предприниматель (как в американской модели) и не слуга государства (как в китайской), а субъект, достоинство которого предшествует всякой технологии. AI Act — юридическое выражение этого убеждения. Но убеждение без инфраструктуры — это декларация.

Игроки на периферии — и формирующиеся блоки

В мировой игре больше трёх участников. Но правила определяются тремя. Все остальные позиционируются относительно них.

Индия инвестирует массированно в роль поставщика ИИ-тантов и будущего производителя. IndiaAI Mission, AI Startup Hub и растущая цифровая инфраструктура сигнализируют об амбиции стать не просто потребителем, но формирующей силой.

[Источник: ORF India, февраль 2026; Brookings, январь 2026; Atlantic Council, январь 2026]

Россия следует автаркическим курсом в условиях санкций. Обновлённая национальная стратегия ИИ до 2030 года делает ставку на отечественные чипы, суверенные языковые модели и военное применение.

И есть альянс, растущий на заднем плане. CNN сообщила в конце 2025 года об образе, отражающем новую геополитическую реальность: CRINK — Китай, Россия, Иран, Северная Корея. Не формальный союз, но сеть взаимных зависимостей, основанная на общем противнике: либеральном порядке.

[Источник: CNN, декабрь 2025; The Diplomat, декабрь 2025; Cultura-Analyse, январь 2026]

Три образа человека, три будущих

Здесь сталкивается нечто большее, чем геополитика. Сталкиваются образы человека.

Американская модель видит человека как индивида, которому лучше всего, когда его оставляют в покое. Роль технологии — предоставить максимальную свободу действий. Роль государства — не мешать.

Китайская модель видит человека как часть большего целого. У индивида есть права, но они подчинены коллективным целям. Технология — инструмент государственной мощи.

Европейская модель видит человека как носителя неотчуждаемых прав. ИИ должен эти права уважать, независимо от экономических или стратегических интересов.

Ни один из этих образов не является ложным. Ни один не полон. Американский замалчивает вопрос власти. Китайский — вопрос индивидуальной свободы. Европейский пренебрегает вопросом о том, как защитить ценности, не обладая средствами.

И все три умалчивают о том, что, возможно, важнее всего: о вопросе, что эта технология делает с людьми, которые ею пользуются, — с их самоощущением, их способностью к суждению, их чувством смысла.

Мировая игра решается не только в Вашингтоне, Пекине и Брюсселе. Она решается в каждом человеке, который утром берёт в руки телефон и задаётся вопросом, живёт ли он ещё собственной жизнью — или уже жизнью, которую алгоритм счёл для него оптимальной.

3

Новые властители

Техноолигархи и власть без мандата

20 января 2025 года, в день второй инаугурации Дональда Трампа, камера уловила изображение, которое вошло в коллективную память: в первом ряду, перед депутатами, генералами и дипломатами, сидели четыре человека. Илон Маск, Джефф Безос, Марк Цукерберг и Сундар Пичаи.

Это не было случайностью рассадки. Это было заявление. Люди, контролирующие инфраструктуру цифрового мира — облака, чипы, социальные сети, модели ИИ, — сидели там, где обычно сидят представители народа. Послание было ясным: эта власть больше не прячется. Она показывает себя.

Чтобы понять, что означает эта сцена, нужно заглянуть за кулисы. И одна фигура больше других воплощает новый тип власти: Илон Маск.

Случай Маска — анатомия нового типа власти

Маск — не просто предприниматель. Он владеет или контролирует Tesla (электромобили), SpaceX (космонавтика и спутниковый интернет), Starlink (глобальная коммуникационная инфраструктура), X/Twitter (социальная платформа), Neuralink (мозговые интерфейсы), The Boring Company (инфраструктура), xAI (искусственный интеллект). Ни один человек со времён Рокфеллера не контролировал столько стратегических отраслей одновременно.

В феврале 2025 года Маск стал главой DOGE — Department of Government Efficiency, — консультативного органа при Белом доме. За считанные недели его команда сократила 9 процентов федеральных служащих, заморозила контракты на 38 миллиардов долларов и получила доступ к платёжным системам Министерства финансов.

[Источник: Military Times, «DOGE Federal Buyouts», март 2025; New York Times, февраль 2025]

То, что здесь произошло, выходит за рамки политического влияния. Это было прямое включение экономической мощи в государственный аппарат — без выборов, без мандата, без разделения между бизнесом и государством.

Макс Вебер определял государство как институт, обладающий «монополией на легитимное применение физической силы». Маск не оспаривает эту монополию. Он обходит её. Кому нужна монополия на насилие, если контролируешь монополию на инфраструктуру?

[Макс Вебер, «Политика как призвание», 1919]

Историческая параллель — и её пределы

В истории были фигуры подобного масштаба. «Бароны-разбойники» позолоченного века — Рокфеллер, Карнеги, Морган — контролировали нефть, сталь и финансы в эпоху, когда государство было слабым, а правил было мало.

Но исторический образец старше и глубже. Ост-Индские компании XVII и XVIII веков были не просто торговыми предприятиями. Они были частными государствами: чеканили собственную валюту, содержали армии, заключали договоры, управляли колониями. На пике своего могущества Голландская Ост-Индская компания была, вероятно, самой мощной организацией в мире.

Параллель к сегодняшнему дню поразительна. Технологические компании не чеканят валюту — но они контролируют инфраструктуру, по которой течёт деньги. Они не содержат армий — но снабжают спутниковым интернетом зоны боевых действий. Они не управляют колониями — но определяют, какую информацию получают миллиарды людей.

Янис Варуфакис назвал этот феномен «технофеодализмом»: систему, в которой несколько платформ владеют цифровой территорией, на которой все остальные должны работать, — подобно крестьянам, обрабатывающим землю лорда.

[Янис Варуфакис, Технофеодализм, 2023]

Код есть закон — и это проблема

Лоуренс Лессиг сформулировал эту мысль ещё в 1999 году: «Код есть закон». Архитектура цифровых систем определяет, что возможно, а что нет — точнее и неумолимее любого свода законов.

[Лоуренс Лессиг, Code and Other Laws of Cyberspace, 1999]

Алгоритм, ставящий определённый контент выше другого, — это не техническое решение. Это политический акт. Платформа, определяющая, что считается «языком ненависти», а что «свободой слова», осуществляет судебную власть — без суда, без апелляции, без мандата.

Решающее отличие от государственной власти: государственная власть — по крайней мере, в демократиях — легитимирована, контролируема, заменяема. Власть техноолигархов ни одна из этих характеристик не описывает. Она легитимирована рынком, контролируема лишь условно, а заменяема только теоретически — потому что инфраструктуры, которые они контролируют, стали слишком фундаментальными, чтобы от них отказаться.

Это не заговор. Это структура. И именно потому с этим так трудно что-то сделать.

Что из этого следует

Подъём техноолигархов — не аргумент против технологий. Это аргумент в пользу политической архитектуры, которая соразмерна реальной власти.

Антимонопольное законодательство XIX века было ответом на баронов-разбойников. Социальное законодательство XX века было ответом на индустриализацию. Вопрос XXI века: какие институты нам нужны для мира, в котором частные лица контролируют инфраструктуру знания, коммуникации и принятия решений?

Этот вопрос не риторический. Он неотложен. И он ведёт нас к следующей главе — к экономике, которую эта технология создаёт, и к вопросу, кто в ней ещё что-то зарабатывает.

4

Экономика изобилия

и почему она не работает

В 1930 году Джон Мейнард Кейнс написал эссе, озаглавленное «Экономические возможности наших внуков». Он предсказывал, что через сто лет — примерно к 2030 году — производительность вырастет настолько, что людям нужно будет работать лишь пятнадцать часов в неделю. Технология, писал Кейнс, решит проблему дефицита. Оставшееся время станет временем для культуры, созерцания и человеческого развития.

[Джон Мейнард Кейнс, «Экономические возможности наших внуков», 1930]

Мы приближаемся к дате, названной Кейнсом. Производительность выросла так, как он предсказывал, — и значительно превзошла его прогноз. Но пятнадцатичасовая рабочая неделя не наступила. Наоборот: большинство людей работает больше, чем когда-либо, а многие не уверены, будет ли у них вообще работа через пять лет.

Что пошло не так?

Парадокс изобилия

ИИ обладает свойством, не имеющим прецедента в истории экономики: он снижает предельные издержки когнитивного труда почти до нуля.

Стоимость инференса — единичного запроса к модели ИИ — падает примерно в десять раз ежегодно. То, что в 2022 году стоило двадцать долларов за миллион токенов, в 2025 году стоит менее семи центов. Это не постепенное улучшение. Это обвал — подобный тому, что произошёл с информацией после появления интернета, но на этот раз касающийся самого мышления.

[Источник: Stanford HAI AI Index 2025; Epoch AI, «Inference Cost Trends», 2025]

Когда стоимость мышления стремится к нулю, многое из того, что раньше оправдывало оплату человеческого труда, становится экономически обесцененным. Текст, который прежде писал журналист. Анализ, который готовил консультант. Код, который создавал разработчик. Эскиз, который рисовал дизайнер. Диагноз, который ставил врач.

Это не означает, что эти профессии исчезнут. Это означает, что экономическая основа, на которой они стоят, размывается.

Цифры — и что они означают

Всемирный экономический форум прогнозирует в своём отчёте «Будущее рабочих мест 2025», что к 2030 году ИИ и автоматизация создадут 170 миллионов новых рабочих мест во всём мире, но одновременно уничтожат 92 миллиона. Чистый прирост: 78 миллионов. Это звучит обнадеживающе.

[Источник: World Economic Forum, «Future of Jobs Report 2025»]

Но за агрегированными цифрами скрывается перелом. Новые рабочие места возникают в других областях, требуют других квалификаций и часто находятся в других странах, чем те, которые исчезают. Водитель грузовика, потерявший работу из-за автономного вождения, не станет специалистом по ИИ. Бухгалтер, чью работу берёт на себя алгоритм, не перепрофилируется в инженера по машинному обучению.

Исследование Pew Research Center 2025 года рисует более дифференцированную картину: 61 процент американцев считают, что ИИ в ближайшие двадцать лет окажет «серьёзное воздействие» на рабочие места — но лишь 28 процентов полагают, что их собственная работа будет затронута. Классический разрыв восприятия: угрозу видят — но всегда у других.

[Источник: Pew Research Center, «AI and the Future of Work», 2025]

Доля труда и парадокс Шумпетера

Более глубокая тенденция просматривается в макроэкономических данных. В большинстве развитых стран доля заработной платы в ВВП — так называемая доля труда — снижается уже десятилетия. ИИ усиливает эту тенденцию, потому что каждый скачок производительности в первую очередь достаётся владельцам капитала — тем, кому принадлежат модели, чипы и инфраструктура.

Йозеф Шумпетер описал в 1942 году механизм «созидательного разрушения»: новые технологии уничтожают старые отрасли и создают новые. Этот процесс болезнен, но в конечном счёте продуктивен — потому что новое мощнее старого.

[Йозеф Шумпетер, Капитализм, социализм и демократия, 1942]

Парадокс нашего времени состоит в том, что созидательная часть может замедлиться, тогда как разрушительная ускоряется. Когда ИИ за месяцы осваивает то, на изучение чего людям нужны годы, окно адаптации схлопывается. Шумпетер предполагал, что люди успеют перестроиться. Что если нет?

Вопрос распределения

Фундаментальная проблема — не производительность. Проблема — распределение.

Когда ИИ повышает производительность на 40 процентов — как утверждается во многих исследованиях для определённых задач, — возникает вопрос: кому достаётся выигрыш? Работнику, который теперь работает быстрее? Компании, которая теперь обходится меньшим числом работников? Или разработчику ИИ, чья модель делает это возможным?

В настоящее время ответ ясен: львиная доля достаётся тем, кто владеет технологией. Пятёрка крупнейших технологических компаний мира достигла в 2024 году совокупной рыночной капитализации в двенадцать триллионов долларов. Совокупное состояние десяти богатейших техномиллиардеров выросло за один год на 37 процентов.

Это не ошибка в системе. Это логика системы. Технология, снижающая предельные издержки когнитивного труда до нуля, при неизменных условиях владения ведёт к концентрации богатства, не имеющей прецедента.

Старая мечта и новый вопрос

Кейнс ошибался не в прогнозе производительности. Он ошибался в молчаливом допущении, что растущая производительность автоматически ведёт к общему благу. Он не предвидел мира, в котором технология настолько продуктивна, что больше не нуждается в большинстве людей — и в котором плоды этой продуктивности достаются немногим.

Вопрос, который ставит экономика ИИ, — не технический. Это самый старый вопрос политической экономии: кому что принадлежит? И кто это решает?

Этот вопрос приведёт нас позже — в главе 9 — к политическим ответам: к безусловному базовому доходу, к новым формам собственности, к вопросу о том, можно ли вообще выстроить справедливую экономику в мире, где машины выполняют значительную часть работы.

Но сначала мы должны взглянуть на другую сторону этого сдвига. На вопрос, что ИИ делает с тем, что мы считаем реальностью. С правдой, с войной и с нашей способностью отличать одно от другого.

ЧАСТЬ II

Разрушение реальности

Что ИИ делает с правдой, доверием и демократией

5

Война без поля боя

Как искусственный интеллект меняет природу войны

В феврале 2026 года впервые в истории гуманоидные роботы были отправлены в активную зону боевых действий. Два экземпляра Phantom MK-1, разработанных стартапом Foundation Labs из Далласа, были переданы украинской армии. Роботы оснащены распознаванием объектов на базе ИИ и могут действовать автономно на расстоянии до двух километров.

[Источник: TIME, 9 марта 2026; Military Times, 13 марта 2026; Foundation Labs]

В то же время, неделю спустя, Украина открыла свои данные о войне для союзных государств и оборонных предприятий: миллионы аннотированных видеозаписей, оценок повреждений и паттернов обнаружения — крупнейший открытый набор данных реального поля боя из когда-либо существовавших.

[Источник: Military Times, 13 марта 2026; Министерство обороны Украины]

И пока на Украине тестируется будущее войны, в Газе уже работает её настоящее: системы ИИ, выдающие рекомендации по целям для ударов с воздуха, с минимальным временем проверки человеком и максимальной скоростью.

Эта глава — о трансформации войны. Не как абстрактная угроза, а как нечто, происходящее прямо сейчас — в двух конфликтах, которые определяют будущее вооружённого насилия на десятилетия вперёд.

Украина: лаборатория

Война на Украине стала важнейшим в мире испытательным полигоном для ведения войны с поддержкой ИИ. Не потому, что технология там была изобретена, а потому, что она там применяется — под давлением реальных боевых действий, с реальными жертвами.

Цифры впечатляют и трезвы одновременно. На Украине задействовано более пяти миллионов дронов. Только в январе 2026 года военное ведомство ежедневно проводило более 4000 операций беспилотников.

[Источник: TIME, март 2026; CSIS, март 2025; Modern War Institute, West Point]

ИИ играет всё более центральную роль. Нейронные сети украинской системы DELTA автоматически распознают наземные и воздушные цели в режиме реального времени. Автоматизированное управление целями в ВСУ сократило цикл от обнаружения до поражения с часов до минут.

[Источник: CSIS, «Ukraine's Future Vision for AI-Enabled Autonomous Warfare», март 2025]

Результат измерим: интеграция ИИ в FPV-дроны повысила показатель попадания с 30–50 процентов до примерно 80 процентов. Это означает: четыре из пяти дронов попадают в цель.

[Источник: US Army War College; West Point Lieber Institute, 2025]

Но этические вопросы вызывает следующий шаг. Дроны с поддержкой ИИ на Украине уже стреляют автономно, когда связь с оператором обрывается. Это технически понятно — в электронно заглушённой среде связь регулярно прерывается. Но это означает: машина принимает решение об убийстве. Без человека в цепочке.

[Источник: TIME, март 2026; West Point Lieber Institute, февраль 2025]

И Европа вооружается. В марте 2025 года Европейская комиссия призвала к «беспрецедентной инвестиционной волне в европейскую оборону» и назвала ИИ «критической оборонной технологией». Компания Anduril — основанная Палмером Лаки, создателем Oculus VR, — поставляет автономные системы и заключила контракты с несколькими странами НАТО.

[Источник: MIT Technology Review, январь 2026; Еврокомиссия, март 2025]

Газа: прецедент

Если Украина показывает, как ИИ формирует войну будущего, то Газа показывает, что происходит, когда системы ИИ в настоящем принимают решения о человеческих жизнях.

В апреле 2024 года расследование израильско-палестинского журнала +972 и Local Call, основанное на показаниях шести офицеров израильской разведки, раскрыло систему под названием «Лаванда». Лаванда — программа ИИ, которая помечала людей в секторе Газа как предполагаемых боевиков — на основе паттернов коммуникации, социальных связей и поведенческих данных. По оценке военных, Лаванда пометила около 37 000 палестинцев как потенциальные цели.

[Источник: +972 Magazine, апрель 2024; The Guardian, 2024; Human Rights Watch, сентябрь 2024]

Наряду с Лавандой действовала «Евангелие» (Habsora) — система, идентифицирующая здания и сооружения как цели для бомбардировок. А также «Где папа?» — программа, отслеживающая передвижения конкретных лиц и предупреждающая, когда они возвращаются домой — чтобы нанести удар по жилому зданию.

Показания офицеров разведки рисуют картину, размывающую границу между человеческим контролем и машинным решением. Среднее время проверки рекомендации «Лаванды» составляло около 20 секунд на цель.

[Источник: +972 Magazine, апрель 2024; AOA, анализ, ноябрь 2025]

Последствия были катастрофическими. «Евангелие» генерировало до 100 целей в день — при том что аналитики-люди ранее идентифицировали около 50 в год. Этот скачок поставил под сомнение один из центральных столпов международного гуманитарного права: принцип соразмерности.

[Источник: +972 Magazine, апрель 2024; RUSI, анализ, июль 2024]

Генеральный секретарь ООН Гутерриш заявил о «глубокой обеспокоенности». Human Rights Watch проанализировала системы и констатировала, что они «подрывают основы международного гуманитарного права».

[Источник: ООН/Гутерриш, 2024; Human Rights Watch, сентябрь 2024; The Guardian/Microsoft, сентябрь 2025]

Израиль оспаривает часть этих описаний и подчёркивает, что системы служат поддержкой принятия решений, а не автономным оружием. Дебаты не закрыты. Но прецедент создан: ИИ в реальном конфликте, в реальном масштабе времени, с реальными жертвами.

Исчезающая граница

В международном праве действуют три принципа применения военной силы: различие между комбатантами и гражданскими лицами, соразмерность между военной необходимостью и ущербом гражданскому населению, а также ответственность за каждое применение силы.

[Майкл Уолцер, «Справедливые и несправедливые войны», 1977]

Системы ИИ ставят каждый из этих принципов перед новой проверкой.

Различение: Может ли алгоритм, обученный на паттернах коммуникации и данных о передвижении, надёжно отличить комбатанта от гражданского лица, которое просто живёт в том же квартале?

Соразмерность: Если система генерирует сто целей в день там, где люди определяли пятьдесят в год, и если время проверки человеком составляет 20 секунд — сохраняется ли ещё осмысленный контроль?

Ответственность: Если дрон стреляет автономно, потому что связь с оператором оборвалась — кто несёт ответственность за ущерб? Программист? Командир? Машина?

Провалившееся регулирование

Министр иностранных дел Австрии Шалленберг назвал ситуацию «оппенгеймеровским моментом нашего поколения». Сравнение выразительно, но хромает в одном пункте: Оппенгеймер работал для государства. Сегодняшние разработчики работают для стартапов.

ООН предпринимала попытки. Генеральный секретарь Гутерриш потребовал к 2026 году юридически обязывающего договора, запрещающего автономные системы без «значимого человеческого контроля». Договор не состоялся.

[Источник: ООН/МККК, 2024; Женевские переговоры; TRENDS Research, 2025]

Крупнейшие военные державы — США, Россия, Израиль — блокируют. А реальность на поле боя обгоняет переговоры. Каждую неделю, в которую не заключается договор, создаются новые факты.

Что поставлено на карту

В Корбере — деревне на скалистом холме в Каталонии — есть момент, который обрамляет эту историю тихо и проникновенно. В марте 2025 года местный муниципалитет провёл дискуссию о вопросе: разрешать ли использование дронов с поддержкой ИИ на муниципальной территории? Не военных дронов — дронов для сельского хозяйства, для лесного хозяйства, для чрезвычайных ситуаций. Дебаты длились три часа.

[Источник: MIT Technology Review, январь 2026]

Украина — новый испытательный полигон. То, что там разрабатывается, испытывается и оптимизируется, определит войны грядущих десятилетий.

А Газа показывает, что происходит, когда системы ИИ применяются к человеческим жизням в реальном конфликте, с минимальным контролем и максимальной скоростью. Вопрос: хотим ли мы жить в мире, где машины решают, кто живёт и кто умирает?

Ответ на этот вопрос определяет не только будущее войны. Он определяет будущее морали. Ибо общество, принимающее, что алгоритмы принимают решения о жизни и смерти, уже изменило понимание того, что значит быть человеком.

6

Синтетическая публичность

Дипфейки, дезинформация и конец общей реальности

В ноябре 2024 года, через два года после запуска ChatGPT, произошло нечто, оставшееся почти незамеченным: объём статей в интернете, сгенерированных ИИ, впервые превысил объём статей, написанных людьми. К маю 2025 года 52 процента всех веб-статей были синтетического происхождения.

[Источник: Graphite/Five Percent Research, октябрь 2025; подтверждено Axios, eWeek, Vice, Yahoo Tech]

Момент прошёл без фанфар. Не было пресс-конференции, политической тревоги, даты, которую кто-то записал в календарь. И, возможно, именно в этом самое тревожное свойство: порог был пересечён — а никто не заметил.

Европол предупреждал в докладе, что к 2026 году до 90 процентов онлайн-контента может быть синтетически сгенерировано. Стэнфордский университет подтвердил тенденцию. Кембриджский университет обнаружил в 2024 году, что люди уже не в состоянии надёжно отличать тексты ИИ от человеческих.

[Источник: Европол, Innovation Lab; Stanford HAI AI Index 2025; Cambridge University, 2024]

Что это значит для общества, в котором более половины прочитанного написано машинами? Не всё из этого — дезинформация. Большая часть — продуктовые описания, SEO-тексты, автоматические обзоры. Но граница между безобидной генерацией и целенаправленной манипуляцией стирается.

Выборы, которым нельзя доверять

В январе 2024 года избиратели в штате Нью-Гэмпшир получили телефонный звонок. Голос принадлежал — по видимости — президенту Байдену. Он призывал людей не ходить на

первичные выборы. Голос был сгенерирован ИИ. Федеральная комиссия по связи оштрафовала ответственного на 6 миллионов долларов — но звонок достиг тысяч людей.

[Источник: Brennan Center for Justice; CNN, 2024]

С тех пор ситуация не улеглась. Она нормализовалась.

В Румынии контент, сгенерированный ИИ, настолько массивно повлиял на президентские выборы в декабре 2024 года, что суд аннулировал результаты. В Европе системы ИИ были замечены в более чем десяти крупных избирательных кампаниях с начала 2024 года — от Словакии до Индонезии, от Бангладеш до Южной Африки.

[Источник: CETaS/Alan Turing Institute, ноябрь 2025; CIGI, 2025; EU-Parlamentsbericht EPRS 2025]

А в марте 2026 года Национальный республиканский сенатский комитет опубликовал дипфейк-видео демократического кандидата в Сенат Джеймса Талярико из Техаса, содержащее синтетически сгенерированные, ложные высказывания.

[Источник: CNN, 13 марта 2026]

Самым примечательным здесь была не технология. А реакция — точнее, её отсутствие. Республиканская организация не увидела в этом проблемы. Демократическая партия протестовала, но юридических последствий не было.

Дивиденд лжеца

Есть поворот в этой истории, возможно, более опасный, чем сами дипфейки. Исследователи называют его «дивиденд лжеца» — выгода, которую извлекают лжецы из самого существования дипфейков. Если всё может быть подделкой, то и реальное можно объявить подделкой.

[Источник: Chesney & Citron, «Deep Fakes: A Looming Challenge»; Brennan Center for Justice]

Дивиденд лжеца разрушает правду не через подделку. Он разрушает саму возможность различения правды и подделки. Политик, уличённый в коррупции, может объявить доказательство дипфейком. Правительство, снятое при применении насилия, может заявить, что видео сфальсифицировано.

Согласно опросу IE University, 31 процент европейцев полагают, что ИИ повлиял на их решение при голосовании. А 40 процентов обеспокоены тем, что больше не могут отличать реальный контент от сгенерированного.

[Источник: IE University, European Tech Insights, октябрь 2024]

Отравленные источники

Дипфейки — видимая верхушка. Под ней — более широкая, тонкая трансформация: отравление самих источников информации.

Перед австралийскими парламентскими выборами в мае 2025 года следователи обнаружили прокремлёвскую кампанию, систематически «кормившую» чат-ботов ИИ ложной информацией — чтобы они выдавали её как факт при ответах на вопросы избирателей.

[Источник: ABC News Australia, май 2025; CETaS/Alan Turing Institute, ноябрь 2025]

В Великобритании в 2024 году примерно каждый восьмой избиратель обращался к чат-ботам ИИ за информацией о выборах. В нескольких случаях боты давали неверную информацию — о дате голосования, об избирательных округах, о позициях кандидатов.

[Источник: CETaS/Alan Turing Institute, ноябрь 2025]

Пятая книга серии MindShift, «The Quiet Shift», исследовала архитектуру восприятия: как ленты, алгоритмы и персонализированные рекомендации создают индивидуальную реальность, которую каждый считает объективной. Синтетическая публичность идёт ещё на шаг дальше: она подменяет не только подачу информации, но и саму информацию.

Арендт, фактическая истина и то, что мы теряем

Ханна Арендт написала в 1967 году эссе «Истина и политика». В нём она различала два вида истины: истину разума — математические и логические утверждения, которые нельзя опровергнуть, — и фактическую истину — исторические и эмпирические утверждения, зависящие от свидетелей, документов, готовности их сохранять.

Фактическая истина, писала Арендт, более уязвима, чем истина разума. Ибо она зависит от людей, которые её помнят, — а люди забывают, подкупаются или запугиваются.

[Ханна Арендт, «Истина и политика», 1967]

Именно это сейчас и происходит. Синтетическая публичность разрушает не отдельные факты. Она разрушает поле, на котором факты признаются в качестве таковых. Когда каждое видео может быть подделкой, когда каждый текст может быть машинным, когда каждый звонок может быть синтезирован — исчезает не только конкретная ложь. Исчезает почва, на которой стоит правда.

Арендт предупреждала: там, где нет фактической истины, нет пространства для политики. Ибо политика предполагает существование общего мира, о котором можно спорить. Если этого общего мира больше нет — если каждый живёт в собственной алгоритмически курируемой реальности, — то и предмет спора исчезает.

Законодательство, которое не поспевает

Политические реакции фрагментарны и медленны. В США 26 штатов приняли законы о дипфейках на выборах — но большинство ограничиваются маркировкой и не предусматривают эффективных санкций.

[Источник: Ballotpedia; Paul Hastings LLP; Cornell Law School, 2025]

В ЕС AI Act с августа 2026 года должен требовать маркировки контента, сгенерированного ИИ. Но реализация задерживается: Еврокомиссия отстаёт от сроков, промышленность просит об отсрочке.

[Источник: EU-Parlamentsbericht EPRS 2025; Еврокомиссия, ноябрь 2025; CFR, январь 2026]

Технология движется быстрее любого закона. И более фундаментальный вопрос в том, являются ли законы вообще подходящим инструментом. Маркировка дипфейков не устранит кризис доверия, если само доверие уже разрушено.

Что остаётся

Ги Дебор написал в 1967 году — в тот же год, что и Арендт — «Общество спектакля». Он описал мир, в котором образ заменяет реальность: «Всё, что было непосредственно пережито, отделилось в представление».

[Ги Дебор, «Общество спектакля», 1967]

Дебор не мог представить, насколько он окажется прав. В его мире спектакль создавали реклама, телевидение и потребление. В нашем его создают алгоритмы, генерирующие контент, подстроенный под каждого индивидуально — совершенный спектакль, который каждый зритель считает реальностью.

Что остаётся, когда общая реальность исчезает?

Остаётся вопрос: может ли демократия — та форма совместной жизни, которая основана на предпосылке, что граждане способны принимать информированные решения, — выжить в мире, где информация сама стала ненадёжной. Этот вопрос ведёт нас к следующей главе.

Слежка как бизнес-модель

Прозрачный человек между комфортом и контролем

Есть сцена, повторяющаяся миллионы раз в день по всему миру. Человек открывает телефон. Разблокирует его лицом. Прокручивает новостную ленту, просматривает маршрут навигатора, отправляет голосовое сообщение, оплачивает покупку бесконтактно, ищет симптом в Google.

При каждом из этих действий возникает точка данных. Вместе они складываются в профиль — более детальный, исчерпывающий и актуальный, чем всё, что мог бы собрать спецслужба прошлого века. И, в отличие от работы спецслужбы, он создаётся добровольно.

Эта глава — о слиянии сервиса и слежки. И о том, что различие между ними, возможно, никогда не было таким чётким, как нам хотелось бы.

Явная система: Китай

Начнём с самого видимого — и наиболее искажённого.

Система социального кредита Китая часто изображается на Западе как оруэлловский кошмар: единый балл для каждого гражданина, определяющий авиабилеты, школы и жильё. Реальность сложнее — и при более тщательном рассмотрении не менее тревожна.

Единого общенационального балла для граждан не существует. Первоначальный план 2014 года вообще не упоминал баллов. Существует лоскутное одеяло региональных и отраслевых систем: кредитные рейтинги для предприятий, административные списки для физических лиц, местные пилотные проекты с различными критериями.

[Источник: China Law Translate, апрель 2025; Newsweek, ноябрь 2025; MSA Advisory, 2026; ChoZan, ноябрь 2025]

Для физических лиц система действует прежде всего через чёрные списки. К сентябрю 2025 года около 200 000 дополнительных человек были внесены в такие списки — не за политические высказывания, а за неисполнение судебных решений, невозврат долгов, нарушение профессиональных обязанностей.

[Источник: Wikipedia/Social Credit, сентябрь 2025; China Law Translate, апрель 2025]

Директива марта 2025 года — 23 мероприятия, изданные ЦК и Госсоветом — усилила этот курс: унификация стандартов, расширение обмена данными между ведомствами, новые санкционные механизмы.

И вот что решающе: тревожное в китайской системе — не то, что она делает сегодня. А то, что она может делать завтра. Инфраструктура стоит. Камеры установлены. Данные перетекают. Путь от кредитного рейтинга до политического контроля не длинен — ему нужно лишь политическое решение.

Неявная система: Запад

А теперь часть, которая ближе к нам — и которую мы менее охотно рассматриваем.

В западных демократиях нет «системы социального кредита». Но есть кредитные скоринги, определяющие, получит ли человек кредит, квартиру или мобильный контракт. Есть алгоритмы, решающие, какие объявления о работе нам показываются и какие нет. Есть медицинские платформы, собирающие данные о здоровье и продающие их страховым компаниям.

Ни одна из этих систем не называет себя слежкой. Они называют себя сервисом, эффективностью, персонализацией, управлением рисками. Но в совокупности они образуют структуру, функционально близкую к тому, что Китай строит сознательно.

Шошана Зубофф в 2018 году ввела для этого термин «надзорный капитализм»: экономическая форма, в которой человеческий опыт добывается как бесплатное сырьё и перерабатывается в поведенческие прогнозы, которые продаются на рынке.

[Шошана Зубофф, «Эпоха надзорного капитализма», 2018]

С 2018 года в этой фундаментальной логике ничего не изменилось. Изменились возможности систем. Модели ИИ делают прогнозы точнее. Распознавание лиц становится дешевле. Голосовые ассистенты слышат не только команды, но и настроения.

Различие с Китаем — не в отсутствии слежки. Различие — в её форме. Китай следит явно, государственно, видимо. Запад следит неявно, коммерчески, комфортно.

Что наблюдение делает с самосознанием

Первая книга серии MindShift, «Ты — Вселенная», задавала вопрос, который здесь возвращается: как возникает реальность? Ответ был: ничто в нашем восприятии не дано непосредственно. Мы конструируем мир — из чувственных впечатлений, опыта, ожиданий, историй, которые рассказываем себе.

Что происходит, когда эта конструкция постоянно наблюдается, измеряется и оценивается извне?

Бён-Чхоль Хан описал в «Психополитике» переход от дисциплинарного общества к обществу контроля: общество, в котором власть действует не через запреты, а через обольщение. Не «ты обязан», а «ты можешь». Система не принуждает — она оптимизирует. И оптимизирует она нас.

[Бён-Чхоль Хан, «Психополитика», 2014]

Хан назвал это «добровольным самообнажением». Человек делится данными не по принуждению, а из желания комфорта, признания, принадлежности. Смартфон — не наручник. Он — зеркало, показывающее нам оптимизированную версию нас самих.

Паноптикум Бентама, который Фуко превратил в метафору современной власти, действовал через страх быть увиденным. Новый паноптикум действует через удовольствие быть увиденным. Instagram, TikTok, LinkedIn — это не тюрьмы. Это сцены. Но эффект аналогичен: мы ведём себя так, как ожидает система.

Европейский ответ — и его пределы

Европа попыталась пойти третьим путём. GDPR, действующий с 2018 года, дал физическим лицам права на свои данные: справку, удаление, возражение, переносимость. AI Act дополняет защиту данных требованиями к прозрачности.

Это больше, чем предоставляет любой другой регион мира. Но и меньше, чем кажется на первый взгляд. GDPR не остановил сбор данных — он его урегулировал. Бизнес-модель осталась прежней: данные — это нефть, пользователь — источник.

И Европа тоже следит. Распознавание лиц тестируется полицейскими ведомствами. ПО для предиктивной полиции рассчитывает в нескольких странах, где вероятнее всего произойдёт преступление. Разница с Китаем — в степени, не в принципе.

Вопрос, который каждый должен себе задать

Штази — тайная полиция ГДР — на пике своей мощи насчитывала около 91 000 штатных и примерно 189 000 внештатных сотрудников. Они наблюдали за 16 миллионами граждан. Соотношение составляло примерно 1 к 57.

Сегодня один смартфон за день генерирует больше данных, чем офицер Штази мог бы собрать за месяц. И делает это добровольно, без давления, без сознательного решения.

Эдвард Сноуден в 2013 году раскрыл, что государственные спецслужбы делают с этой ёмкостью. С тех пор поле сместилось: не государство — главный собиратель. Главный — рынок.

Паноптикум Фуко был зданием. Тюрьмой с башней в центре, откуда каждый заключённый мог быть виден в любой момент. Смысл был не в фактическом наблюдении — а в возможности наблюдения. Заключённый вёл себя так, как если бы за ним следили — потому что не мог знать наверняка.

[Мишель Фуко, «Надзирать и наказывать», 1975]

Вопрос, который каждый должен себе задать, — не: слежу ли за мной? Этот вопрос решён. Ответ — да. Уже много лет.

Настоящий вопрос: что это со мной делает? Что меняется в моём поведении, мышлении, самосознании, когда я знаю — или подозреваю, — что каждое моё действие регистрируется, анализируется и оценивается?

Ответ: это делает нас осторожнее. Конформнее. Предсказуемее. Не потому, что кто-то этого требует. А потому, что система устроена так, что адаптация вознаграждается, а отклонение наказывается.

Между китайской системой явной слежки и западной системой неявной слежки лежит не пропасть. Лежит спектр. И вопрос, где на этом спектре мы хотим жить, — один из важнейших вопросов нашего времени.

8

Демократия в реанимации

Почему старые формы не выдерживают нового давления — и что может прийти им на смену

17 марта 2026 года — за три дня до написания этих строк — V-Dem Institute при Гётеборгском университете опубликовал свой ежегодный доклад о демократии. В нём анализируется состояние демократии в 180 странах на основе более чем 500 индикаторов, собираемых тысячами экспертов по всему миру.

Вывод: США впервые за более чем пятьдесят лет были классифицированы не как «либеральная демократия», а лишь как «электоральная демократия» — категория, обозначающая, что выборы проводятся, но основные свободы, верховенство закона и разделение властей существенно ограничены.

[Источник: V-Dem Institute, Democracy Report 2026, 17 марта 2026; CNN, 18 марта 2026]

Несколькими днями ранее Freedom House опубликовал собственный годовой доклад: двадцатый год подряд, в который глобальная свобода сократилась. 52 страны зафиксировали ухудшения, лишь 22 — улучшения.

[Источник: Freedom House, Freedom in the World 2026, март 2026]

А опрос Pew Research Center весной 2025 года показал: 62 процента американцев были недовольны тем, как работает демократия в их стране. Среди молодых взрослых (18–29 лет) этот показатель составил 72 процента.

[Источник: Pew Research Center, весна 2025; опубликовано февраль 2026]

Эта глава могла быть написана и в любое другое десятилетие. Эрозия демократии — не новая тема. Но то, что отличает текущий момент, — специфический характер угрозы. Это не танки

перед парламентом. Это не генерал, захватывающий власть. Это медленное, невидимое разрушение условий, делающих демократию возможной.

Три предпосылки

Демократия опирается на три предпосылки, настолько самоочевидных, что их редко проговаривают.

Во-первых: информированные граждане. Демократия предполагает, что люди, участвующие в выборах, имеют хоть сколько-нибудь надёжную основу для суждений. Они не обязаны быть экспертами — но должны иметь доступ к информации, позволяющей отличить реальность от пропаганды.

Во-вторых: общие факты. Демократия не требует единомыслия. Но она требует общей реальности, о которой можно спорить. Если нет фактов, признаваемых всеми сторонами, то дебаты превращаются в ритуал.

В-третьих: публичный дискурс. Демократия живёт дебатами — возможностью проверять аргументы, сравнивать позиции, находить компромиссы. Это предполагает пространство, в котором разные голоса могут быть услышаны — не только самые громкие.

ИИ подрывает все три предпосылки одновременно. Вот что качественно ново.

Синтетическая публичность, описанная в предыдущей главе, атакует первую предпосылку: информированных граждан. Когда половина контента сгенерирована машинами и безо всякого контроля качества, основа для информированных решений разрушается.

Дивиденд лжеца атакует вторую предпосылку: общие факты. Если всё может быть поддельным, то и реальное можно объявить подделкой.

А алгоритмическая курация, проанализированная в «The Quiet Shift», атакует третью предпосылку: публичный дискурс. Если каждый человек получает собственную алгоритмически оптимизированную ленту, то общего пространства для дискуссий больше не существует.

Промежуточные выборы как тестовый случай

Промежуточные выборы в США в ноябре 2026 года станут первым крупным голосованием, в котором все три динамики одновременно воздействуют на демократию, уже ослабленную институциональным давлением.

Дипфейки уже в ходу — не от анонимных акторов, а от одной из двух крупнейших партийных организаций. Одновременно администрация Трампа своими указами систематически подрывала регулирование ИИ на уровне штатов и направляла развитие в зону без правил.

[Источник: CNN, 13 марта 2026; Ballotpedia; Cornell Law School]

А платформы, на которых ведётся предвыборная борьба, контролируются акторами, описанными в главе 3: собственниками без мандата, без отчётности, без демократической легитимации.

Хабермас и разрушенная публичность

Юрген Хабермас описал в 1962 году в «Структурном изменении публичной сферы», как в XVIII и XIX веках возникло публичное пространство — кофейни, салоны, газеты, — в котором граждане как равные обменивались аргументами. Эта «буржуазная публичность» была предпосылкой либеральной демократии: место, где мнения формировались не властью, а рассудком.

[Юрген Хабермас, «Структурное изменение публичной сферы», 1962]

Хабермас уже тогда диагностировал её упадок: через коммерциализацию медиа, манипуляцию рекламой и PR, через отступление граждан в частную сферу.

Алгоритмическая публичность — не публичность в хабермасовском смысле. Это рынок внимания, на котором побеждают не аргументы, а эмоции. Не зрелость, а вовлечённость. Не правда, а кликабельность.

Чего не смогли радио и телевидение

Было бы утешительно рассматривать нынешний кризис как повторение — ещё одну волну технологических перемен, которую демократии уже переживали.

И это правда: новые медиа уже бросали вызов демократиям. Радио позволило как массовую манипуляцию Гитлера, так и «Беседы у камина» Рузвельта. Телевидение изменило политику — дебаты Кеннеди-Никсона 1960 года показали, что внешний вид может победить содержание.

Различие — тройное.

Во-первых, скорость. Радио понадобились десятилетия, телевидению — десятилетия. Дезинформация, генерируемая ИИ, требует секунд.

Во-вторых, персонализация. Радио и телевидение транслировали всем одно и то же. Платформы с ИИ транслируют каждому — своё. Манипуляция стала индивидуальной.

В-третьих, неуправляемость. Радио можно было выключить, газеты запретить, лицензии на вещание отозвать. Алгоритмические ленты глобальны, децентрализованы и адаптивны.

Это конец?

Было бы неверно писать эту главу как панихиду. Демократии выбирались и из худших кризисов. Веймарская республика потерпела крах — но Федеративная Республика возникла из её пепла. Послевоенный консенсус распался — но Европейский союз создал новую рамку. Каждый раз форма менялась. Ценности оставались.

Поэтому вопрос не в том: конец ли демократии? Вопрос в том: достаточно ли прежних форм?

Демократия, какой мы её знаем, была создана для мира, в котором информация текла медленно, публичность структурировалась немногими СМИ, а власть была привязана к территории. Ничто из этого больше не соответствует действительности.

Это не означает, что демократические ценности — равенство, свобода, подотчётность, человеческое достоинство — устарели. Они актуальнее, чем когда-либо. Но институты, которые должны их воплощать, нуждаются в обновлении.

Джон Дьюи писал в 1927 году в «Обществе и его проблемах»: демократия — не институт. Это живая практика — способ, которым люди организуются, обсуждают и принимают решения. Эта практика не исчезает из-за того, что меняются медиа. Но она нуждается в новых формах, чтобы оставаться живой.

[Джон Дьюи, «Общество и его проблемы», 1927]

Вот задача, стоящая перед нами. Не защита старых институтов ради них самих — а изобретение новых, воплощающих те же ценности в радикально изменившемся мире.

Поворотный момент

Здесь заканчивается диагноз. Первые восемь глав этой книги описывали происходящее: смещение власти, мировую игру великих держав, подъём техноолигархов, экономику, которая создаёт изобилие, но не делит его, войну без поля боя, синтетическую публичность, слежку как бизнес-модель и демократию под давлением.

Было важно смотреть точно. Без приукрашиваний, без драматизации. Факты, как они есть, в марте 2026 года.

Но эта книга — не надгробие. Она — компас. А компас показывает не только, где ты находишься. Он показывает, куда можно идти.

Последние четыре главы — об этом: о возвращении политического, об архитектуре свободы, о вопросе, что значит быть человеком, когда машины всё больше могут, — и о письме миру в переходе.

Диагноз поставлен. Теперь начинается созидание.

ЧАСТЬ III

Созидание

Что возможно — и что зависит от нас

9

Возвращение политического

Почему технология сама по себе ничего не решает

Существует иллюзия, настолько распространённая, что её почти перестали замечать: иллюзия того, что технические проблемы требуют технических решений. Что если ИИ создаёт проблемы, то лучший ИИ их устранил. Что достаточно написать правильный алгоритм — и система заработает.

Эта иллюзия удобна, потому что позволяет обойти более трудный вопрос. Трудный вопрос — не «Как сделать ИИ лучше?». А: кто решает? Кому принадлежит стоимость, создаваемая автоматизацией? Кто несёт ответственность за ущерб? Кто определяет границы?

Это не технические вопросы. Это политические. И то, что они рассматриваются как политические, — предпосылка того, что десятилетия впереди не будут определяться исключительно интересами тех, кто владеет машинами.

Что пытается Европа

EU AI Act — самый амбициозный эксперимент в регулировании ИИ, предпринятый до сих пор. Принятый Европейским парламентом в марте 2024 года, он классифицирует системы ИИ по уровням риска, запрещает определённые практики — такие как биометрическая слежка в реальном времени в общественных местах — и устанавливает требования прозрачности.

[Источник: EUR-Lex, AI Act, полный текст; CFR, январь 2026]

Это впечатляет. И этого недостаточно.

Недостаточно не потому, что правила плохи, а потому, что регулирование в одиночку не решает фундаментальную проблему. Можно регулировать использование технологии — но если не владеешь самой технологией, зависишь от доброй воли тех, кто ею владеет.

И реализация показывает пределы: в ноябре 2025 года Еврокомиссия предложила перенести часть сроков — требования прозрачности к генеративным моделям отложены, санкции размыты.

[Источник: Еврокомиссия, Digital Omnibus, ноябрь 2025; EU-Parlamentsbericht EPRS 2025]

И всё же: AI Act существует. Он задаёт рамку. Он показывает, что демократические общества способны политически направлять технологическое развитие — даже если результат несовершенен.

Что показывают пилоты

Наряду с регулированием есть второй уровень политического формирования: распределение. Если старый механизм — труд в обмен на заработную плату — уже не способен обеспечить участие для всех, нужны новые формы. Есть ли доказательства того, что они работают?

Ответ: да. Ограниченно, предварительно, но — да.

В апреле 2025 года DIW Berlin и Венский экономический университет опубликовали результаты немецкого пилотного проекта базового дохода — самого длительного и методологически строгого рандомизированного исследования безусловного базового дохода в Европе. 122 человека получали по 1200 евро в месяц на протяжении трёх лет.

[Источник: DIW Wochenbericht 15/2025; UBIE/BIEN, апрель 2025; Mein Grundeinkommen e.V.]

Результаты: никакого ухода с рынка труда. Участники продолжали работать, часто осознаннее. Психическое здоровье значительно улучшилось. Стресс и тревога снизились. Субъективная удовлетворённость жизнью выросла — и оставалась повышенной даже после окончания выплат.

Каталония в 2024 году запустила один из самых амбициозных пилотов Европы: 5000 человек получают ежемесячно около 800 евро (взрослые) и 300 евро (дети), без условий, в течение двух лет.

[Источник: Borgen Project, май 2025; Wikipedia/UBI pilots; правительство Каталонии]

Финляндия тестировала в 2017–2018 годах базовый доход в 560 евро ежемесячно для 2000 безработных. Влияние на занятость было незначительным, но выигрыш в благополучии —

значительным. Маршалловы Острова запустили осенью 2025 года пилот климатического базового дохода — для климатических мигрантов.

[Источник: Wikipedia/UBI; Chiang Rai Times, декабрь 2025; правительство Маршалловых островов, ноябрь 2025]

Что показывают эти пилоты? Три вывода, стабильно проявляющихся в разных странах, культурах и уровнях дохода:

Во-первых: люди не перестают работать. Они работают иначе — осознаннее, избирательнее, часто в областях, имеющих для них бо́льший смысл.

Во-вторых: психическое здоровье улучшается. Стресс снижается. Безопасность меняет способ мышления и принятия решений.

В-третьих: эффекты реальны, но ограничены условиями пилота. Трёхлетний тест с участием 107 человек не доказывает, что национальная программа будет работать так же. Масштабирование — отдельная задача.

Позиция за инструментом

Было бы возможно написать эту главу как каталог решений: налог на автоматизацию, дивиденд за данные, модели общего блага, публичный стек, безусловный базовый доход. Все эти инструменты обсуждаются, некоторые испытываются, ни один не внедрён в масштабе.

Но это была бы другая книга. И она упустила бы ключевой момент.

Ключевой момент — не инструмент. Это позиция, стоящая за инструментом. Ибо каждый политический инструмент предполагает ответ на более глубокий вопрос: какое отношение к человеку он воплощает?

Налог на автоматизацию предполагает, что стоимость, созданная машинами, принадлежит и тем, кого машины заменяют. Дивиденд за данные предполагает, что данные — не бесплатное сырьё, а вклад, заслуживающий вознаграждения. Базовый доход предполагает, что каждый человек имеет право на материальное участие — безусловно, просто потому, что он существует.

Ни одна из этих предпосылок не самоочевидна. Каждая требует осознанного решения — политического решения, которое нельзя вывести из технологии, а только из представления о человеке.

И именно это — возвращение политического: осознание того, что важнейшие вопросы эпохи ИИ — это не вопросы к инженерам. Это вопросы к нам всем.

По ту сторону рынка, по эту сторону утопии

Карл Поланьи описал в 1944 году в «Великой трансформации», как общество XIX века должно было научиться вновь встраивать разнузданный рынок в общественные рамки — через законы, институты, социальные системы. Этот процесс был болезненным, длительным и политически конфликтным. Но альтернативой было разрушение.

[Карл Поланьи, Великая трансформация, 1944]

Мы стоим перед аналогичной задачей. Экономика ИИ — с её предельными издержками, стремящимися к нулю, динамикой концентрации, разрывом между производительностью и оплатой труда — нуждается в новых правилах. Не из враждебности к технологии. Из уважения к людям.

Элинор Остром получила в 2009 году Нобелевскую премию по экономике за исследования общих ресурсов — совместно управляемых ресурсов, которые не нужно ни приватизировать, ни национализировать, чтобы использовать эффективно. Леса, рыбные угодья, ирригационные системы — Остром показала, что сообщества способны управлять сложными ресурсами устойчиво, если соблюдаются определённые условия: прозрачность, участие, подотчётность, адаптивность.

[Элинор Остром, Управление общим, 1990]

Может ли ИИ стать общим ресурсом — совместно управляемой инфраструктурой, подобно публичным библиотекам, дорожной сети или интернету в его ранней форме? Это открытый вопрос. Но это вопрос, который заслуживает того, чтобы его задали — прежде чем частное владение станет настолько закреплённым, что альтернативы покажутся невыполнимыми.

Что должно произойти сейчас

Возвращение политического не означает, что у политиков есть все ответы. Оно означает, что вопросы, которые ставит ИИ, должны обсуждаться публично — а не решаться в залах заседаний нескольких компаний.

Это звучит старомодно. И, возможно, именно в этом его сила. В мире, одержимом скоростью, экспоненциальными кривыми и квартальными отчётами, приверженность медленным, демократическим, несовершенным процессам — радикальный акт.

Вопрос не в том, быстрее ли технология демократии. Очевидно, быстрее. Вопрос в том, готовы ли мы принять медлительность демократии как цену, которую стоит платить, — потому что альтернатива — не скорость. Альтернатива — власть без легитимации.

Архитектура свободы

Собственность, доступ и вопрос о том, кому принадлежит будущее

Если бы эта книга должна была свести всё к одному вопросу, он звучал бы так: кому принадлежит искусственный интеллект?

Не: насколько умным он станет? Не: когда он превзойдёт нас? А: кому принадлежат модели, данные, инфраструктура? Кто решает, что делать со стоимостью, которую создают эти системы? И по каким правилам?

Ответ на этот вопрос определяет, в каком мире мы будем жить. Не технология решает. Решает собственность.

Три архитектуры

Вырисовываются три модели, которые могут определить ближайшие десятилетия. Ни одна из них не является чисто теоретической. Каждая уже существует в зародыше, и каждая воплощает определённое представление о человеке.

Первая модель: частная инфраструктура. Немногие компании владеют моделями, контролируют платформы, управляют облаком. Доступ — за плату, условия диктует провайдер. Это модель максимальной эффективности — и максимальной зависимости.

Вторая модель: государственный контроль. Государство владеет инфраструктурой или управляет ею. Оно определяет, кто получает доступ, на каких условиях, для каких целей. Это модель максимального контроля — и минимальной свободы.

Третья модель: общая инфраструктура. Основы — базовые модели, вычислительные мощности, стандарты данных — трактуются как общественное благо. На их базе действуют

частные и государственные акторы. Это модель максимального участия — и наибольшей сложности.

Это не абстрактные сценарии. Первая модель — нынешняя реальность западной экономики ИИ. Вторая — подход Китая. Третья — мечта, которая всё ещё ищет свою реализацию.

Иллюзия открытости

Open Source считается великой надеждой на демократизацию ИИ. И это верно: ландшафт резко изменился. Весной 2026 года открытые модели соперничают с закрытыми по ряду бенчмарков.

[Источник: Red Hat Developer, январь 2026; Blue Headline, март 2026; Contabo, март 2026]

Но «Open Source» — не значит открыто. Различия на практике существенны.

Llama от Meta имеет лицензию, допускающую коммерческое использование — при условии менее 700 миллионов активных пользователей в месяц. Звучит щедро, но это создаёт потолок: любой конкурент, способный угрожать Meta, автоматически нарушает лицензию.

DeepSeek использует лицензию MIT — самую открытую из доступных. Но обучающие данные, методы тонкой настройки и части архитектуры остаются незадокументированными. И каждый результат проходит через цензурные фильтры, соответствующие линии КПК.

[Источник: Bruegel, 2025; Contabo, март 2026; Cultura-Analyse, январь 2026]

Mistral — французская компания, главная европейская надежда в области ИИ — публикует свои модели под лицензией Apache 2.0 — одной из самых открытых. Но её серверы стоят в облаках Amazon и Microsoft.

[Источник: Mistral AI; IntuitionLabs, ноябрь 2025; Red Hat Developer, январь 2026]

И даже если модели открыты — инфраструктура, на которой они работают, таковой не является. Облачные мощности сосредоточены у трёх провайдеров — AWS, Microsoft Azure, Google Cloud. Кто контролирует инфраструктуру, контролирует условия «открытости».

Что могла бы означать общественная инфраструктура

Представьте, что существовала бы публичная система ИИ — подобно публичным библиотекам, дорожной сети или почтовой системе. Инфраструктура, не принадлежащая ни одной компании, не контролируемая ни одним государством, а управляемая демократически — прозрачно, подотчётно, на благо всех.

Звучит нереалистично. Но подходы существуют. Президент Франции Макрон объявил в 2025 году «историческое партнёрство» с Nvidia: проект Mistral Cloud должен предоставить европейским исследователям и компаниям доступ к суверенной вычислительной инфраструктуре.

[Источник: IntuitionLabs/Mistral Large 3 Report, ноябрь 2025; VivaTech 2025]

Если продолжить мысль, «публичный стек» мог бы выглядеть так: базовый слой — вычислительные мощности, фундаментальные модели, стандартизированные наборы данных — предоставляется публично. На нём строят частные и государственные акторы. Доступ открыт, условия прозрачны, управление демократично.

Модель имеет прецеденты. Сам интернет начинался как публичная инфраструктура — финансируемая Министерством обороны США, управляемая через открытые протоколы, доступная каждому. Лишь позже произошла приватизация — и с ней концентрация.

Элино́р Остро́м показала в своих исследованиях, что совместно управляемые ресурсы — леса, рыбные угодья, ирригационные системы — не нуждаются ни в приватизации, ни в национализации для эффективного функционирования. Они нуждаются в правилах, прозрачности и участии тех, кого это касается.

[Элино́р Остро́м, Управление общим, 1990]

Что поставлено на карту — три сценария

Полезно представить три архитектуры не как абстракции, а как конкретный опыт конкретных людей.

В первом сценарии — частная инфраструктура — учительница в Дрездене утром открывает планшет. Подготовка к уроку идёт через систему ИИ, за которую школьный округ платит лицензию. Система работает хорошо — но темы определяет провайдер. Когда лицензия дорожает, школьный округ должен либо заплатить, либо вернуться к бумаге.

Во втором сценарии — государственный контроль — программистка в Шэньчжэне использует мощную, бесплатную модель ИИ, предоставленную государством. Она работает блестяще — для всего, что государство разрешает. Когда она пытается исследовать историю протестов, модель выдаёт пустой экран.

В третьем сценарии — общая инфраструктура — социальный предприниматель в Найроби работает с общедоступной системой ИИ, обученной на африканских языках. Он разрабатывает приложение для мелких фермеров — без лицензионных платежей, без зависимости, с полным контролем над данными.

Ни один из этих сценариев не утопичен и не антиутопичен. У каждого свои сильные и слабые стороны. Первый эффективен, но порождает зависимость. Второй мощен, но ограничивает свободу. Третий наиболее справедлив — но и наиболее сложен в реализации.

Вопрос не в том, какая модель совершенна. Вопрос в том, какую мы выбираем — и выбираем ли мы вообще осознанно.

Выбор, который совершается прямо сейчас

Этот выбор не абстрактен. Он совершается прямо сейчас — в законах, инвестициях, пользовательских решениях, в самом способе, которым мы говорим о технологии.

Когда государство сворачивает регулирование ИИ, чтобы ускорить инновации, оно выбирает первую модель. Когда другое государство строит суверенную вычислительную платформу, оно выбирает вторую. И когда европейские исследователи строят открытые модели на публичной инфраструктуре, они испытывают третью.

Карл Полянши писал, что великая трансформация XIX века состояла в том, чтобы вновь встроить рынок в общество — через правила, институты, социальные сети безопасности. Трансформация XXI века состоит в том, чтобы встроить ИИ — прежде чем он встроит нас.

[Карл Полянши, Великая трансформация, 1944]

Удастся ли это — зависит не от технологии. Зависит от нас — от нашей способности мыслить политически там, где доминирует техническое мышление. От готовности задавать неудобные вопросы — и принимать, что ответы не будут простыми.

БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ В ЭПОХУ МАШИН

Идентичность, смысл и вопрос, меняющий всё

Предшествующие главы описали мир: смещения власти, геополитические соперничества, экономические разломы, синтетическую публичность, слежку и демократию под давлением.

Но в конце стоит не цифра. В конце стоит человек. Утром, перед зеркалом. С вопросом: кто я, если всё меняется?

Эта глава — о данном вопросе. Не как психологическая самопомощь, не как утешение — а как вопрос, который сводит воедино все остальные вопросы этой книги и задаёт его каждому лично.

Круг, который замыкается

Серия MindShift начиналась с вопроса о сознании. «Ты — Вселенная» спрашивала: как возникает реальность? Ответ: не независимо от нас. Мы не наблюдатели мира — мы его соучастники.

Вторая книга, «Lost in Space», углубила этот вывод в экзистенциальном направлении: поиск принадлежности в безграничном мире.

Третья книга, «Что делает с нами ИИ?», открыла социальное измерение: как алгоритмические системы формируют не только наши инструменты, но и наши самообразы, отношения, восприятие нормальности.

Четвёртая книга, «Профессиональная идентичность в эпоху ИИ», сделала это конкретным: что происходит с самооценностью, когда работа, определявшая нас, выполняется машинами?

Пятая книга, «The Quiet Shift», исследовала архитектуру нашего восприятия: как ленты, алгоритмы и синтетические реальности определяют, что мы видим, что думаем и что считаем нормой.

Эта шестая книга направила взгляд на мир в целом: власть, геополитика, экономика, война, демократия. Но теперь, в конце, она возвращается — к отдельному человеку. К вопросу, который стоял в начале.

Чего машины не могут

Существует распространённый страх, сводимый к одному предложению: если машины могут думать, что остаётся нам? Если ИИ анализирует, синтезирует, оптимизирует, создаёт — где ещё место для человеческого?

Страх понятен. Но он основан на недоразумении. Он предполагает, что человечность состоит в том, что мы делаем. Что наша ценность — в нашей производительности.

Серия MindShift за пять книг выработала другой ответ: человечность — не в делании. Она — в бытии. В сознании. В способности чувствовать, сомневаться, связывать, решать, придавать смысл.

Ханна Арендт различала в «Vita activa» три формы человеческой деятельности: труд (необходимое), создание (длительное) и действие (свободное). Труд обеспечивает выживание. Создание производит мир. Но лишь действие — начинание чего-то нового, непредсказуемого — делает нас людьми.

[Ханна Арендт, Vita activa, 1958]

ИИ может трудиться. Он может создавать. Но может ли он действовать — в арендтовском смысле? Может ли он начать нечто, невыводимое из его данных? Способен ли на поступок, не объяснимый оптимизацией?

Честный ответ: по состоянию на март 2026 года — нет. Будет ли он когда-нибудь на это способен — открытый вопрос. Но даже если однажды сможет — значит ли это, что наше собственное действие потеряет ценность? Разве красота человеческого поступка обесценивается тем, что машина может его имитировать?

Смысл по ту сторону производительности

Мария Яхода исследовала в 1930-х годах безработных Мариенталя — австрийской общины, чья фабрика закрылась. Она обнаружила не только материальную нужду. Она обнаружила

распад идентичности: без работы люди теряли структуру, социальные связи, самоуважение, ощущение цели.

[Мария Яхода, «Безработные Мариентала», 1933]

Девяносто лет спустя паттерн повторяется — не как внезапное закрытие фабрики, а как ползучее обесценивание. Заказов становится меньше. Период, в течение которого навыки востребованы, сокращается. Уверенность, что можно удержаться, тает.

Психологические исследования последних лет показывают, что происходит при этом. Исследования Мичиганского университета, DIW Berlin и Университета Констанца 2025 года фиксируют: люди, оценивающие свою работу как находящуюся под угрозой ИИ, демонстрируют значимо более низкую удовлетворённость жизнью, более высокую тревожность и более частые симптомы депрессии.

[Источник: University of Michigan PSID, 2025; DIW Berlin, 2025; Universität Konstanz, исследование ИИ, 2025]

Но те же исследования показывают и другое: рост. Американская психологическая ассоциация сообщает, что до 70 процентов людей, переживших кризис идентичности, впоследствии демонстрируют «посттравматический рост» — расширение перспективы, углубление отношений, новое понимание собственных ценностей.

[Источник: APA, Post-Traumatic Growth Studies, 2025]

Потеря реальна. И она болезненна. Но она не конец. Она — пространство, в котором может возникнуть нечто новое — если условия позволяют. Если есть безопасность, поддержка и время.

Пять источников

Исследования последних лет — и опыт многих людей, уже переживающих этот переход, — указывают на пять источников смысла, когда привычные опоры рушатся.

Связь. Гарвардское исследование Grant Study — самое длительное лонгитюдное исследование в мире — показывает на протяжении десятилетий: близкие отношения — сильнейший предиктор долгосрочного благополучия. Не успех, не богатство, не статус — а качество человеческих связей.

Творчество. Не творчество как услуга, а как выражение. Рисовать, писать, музицировать, строить, ухаживать за садом — не для продажи, а потому что процесс сам по себе дарит смысл. Чиксентмихайи назвал это «поток» — состояние полного погружения, в котором время исчезает и остаётся только действие.

[Михай Чиксентмихайи, Поток, 1990; обновлённые исследования 2025]

Вклад. Делать что-то для других — не из долга, а из потребности принадлежать к чему-то большему. Исследования просоциального поведения стабильно показывают: люди, регулярно делающие что-то для других, более удовлетворены жизнью — независимо от дохода.

Присутствие. Способность быть здесь — без цели, без давления продуктивности, без постоянного вопроса, достаточно ли ты делаешь. Исследования осознанности показывают: регулярная практика присутствия снижает стресс, улучшает концентрацию и укрепляет ощущение смысла.

Удивление. Способность быть поражённым миром. Закатом, детским смехом, неожиданным прозрением. Хартмут Роза назвал это «резонансом» — моментом, когда мир нас трогает, и мы его трогаем.

[Хартмут Роза, Резонанс, 2016]

Homo Ludens

Йохан Хёйзинга ввёл в 1938 году понятие Homo Ludens — человека играющего. Он утверждал, что игра старше культуры, старше труда, старше институтов. Что люди обретают свою глубочайшую суть не в работе, а в свободном, самоцельном творчестве — в игре, ритуале, искусстве, исследовании.

[Йохан Хёйзинга, Homo Ludens, 1938]

Если ИИ освобождает нас от работы — не полностью, не сразу, но постепенно, — встаёт вопрос: что приходит на её место? Ответ Homo Ludens не в бездействии. Он — в деятельности иного рода.

Остаётся нечто более глубокое: возможность быть Homo Ludens. Не в смысле развлечения или отвлечения. А в смысле свободного творчества, свободного исследования, свободного бытия — без давления, что каждое действие должно быть продуктивным.

Это не утопия. Это описание того, что многие люди уже переживают — в те моменты, когда они наиболее живы. В моменты, когда они не работают, а играют, создают, удивляются.

Вопрос, который остаётся

В конце этой главы — и этой книги — стоит не ответ. Стоит вопрос.

Не: что ИИ сделает с нами? А: что мы сделаем со свободой, которая возникнет, когда машины освободят нас от необходимости?

Будем ли мы бояться её — и бежать в новые формы занятости, лишь бы не оставаться наедине с собой? Будем ли растрачивать — в отвлечениях, потреблении, скуке? Или мы используем её — для того, что всегда делало нас людьми: для связи, творчества, вклада, присутствия, удивления?

Ответ — не в этой книге. Он — в каждом человеке, задающем себе этот вопрос честно, открыто, без удобной отговорки, что технология всё решит.

Технология не решает ничего. Она лишь обостряет вопрос.

И вопрос звучит так: кем мы хотим быть?

12

Эпилог

Письмо миру в переходе

Дорогая читательница, дорогой читатель,

я пишу эти строки в марте 2026 года, в своей квартире между Дрезденом и Измиром, между двумя мирами, оба в движении. За окном я вижу город, который не знает, каким он будет через десять лет. И я тоже не знаю.

Но я только что написал одиннадцать глав, в которых старался смотреть внимательно. И то, что я увидел, не отпускает меня.

Я увидел, что горстка компаний влияет на нашу повседневную жизнь сильнее, чем большинство правительств. Что машины, которых мы не понимаем, принимают решения о нашей работе, нашем здоровье, нашей безопасности. Что граница между реальностью и синтезом размывается — и что большинство людей этого не замечает.

Я увидел, что экономика производит больше, чем когда-либо, и всё же всё больше людей чувствуют, что не могут угнаться. Что скорость, с которой мир меняется, превышает скорость, с которой мы способны адаптироваться. Что демократия — форма совместной жизни, которой мы доверяли, — находится под давлением, подобного которому она не испытывала десятилетиями.

И я увидел нечто, тревожащее меня более всего остального: как тихо всё это происходит. Нет взрыва. Нет видимого перелома. Лишь медленное смещение координат — и ощущение, что почва под ногами больше не та, что была.

Invisible Shift. Невидимое смещение.

Но я увидел и другое.

Я увидел людей, отказывающихся закрывать глаза. Исследователей, публикующих неудобные истины. Политиков, продвигающих регулирование, хотя давление огромно. Активистов, создающих альтернативы — небольшие, несовершенные, но реальные.

Я увидел, что пилотные проекты работают — в Германии, в Каталонии, в Финляндии, на Маршалловых островах. Что люди, получающие безопасность, не становятся пассивнее — а свободнее.

И я увидел — в беседах, в сообщениях, в глазах людей, читающих эти книги, — что тоска по глубине не исчезла. Что люди не хотят быть оптимизированными. Они хотят быть живыми.

Эта книга — шестая в серии MindShift. Она взяла наибольшую высоту полёта — и, возможно, далась мне тяжелее всего. Потому что нужно было называть вещи своими именами, не скрываясь ни за алармизмом, ни за оптимизмом. Потому что правда — посередине — неудобна и требует мужества.

Я не знаю, каким будет мир, когда вы прочтёте эти строки. Возможно, произошли вещи, которые я не мог предвидеть. Возможно, книга устарела в деталях — цифры, законы, расстановки сил. Срок годности фактов ограничен.

Но не ограничен срок годности вопроса, который она ставит. Ибо он останется, что бы ни произошло:

Какой мир мы хотим построить — и кем мы хотим в нём быть?

Этот вопрос нельзя делегировать. Ни машинам, ни правительствам, ни рынкам, ни экспертам. Он принадлежит каждому. И заслуживает того, чтобы его задали — честно, неспешно и с готовностью принять, что ответ не будет простым.

Возьмите время. Смотрите внимательно. Говорите с людьми, которые вам важны. Задавайте неудобные вопросы. И доверяйте тому, что способность к суждению — ваша самая сильная сторона. Ни один алгоритм не может её заменить.

Мир в переходе. Это тревожно. Но это значит и другое: ничего не решено. Всё ещё возможно. И сила, чтобы это формировать, находится не в кремниевом чипе и не в центре обработки данных.

Она — в вас.

Дрезден / Измир, март 2026

Хакан Озгюр

www.mindshiftme.de